

Сулейманов Б. Б.
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ
КАК СУБЪЕКТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Северо-Кавказский институт

Всероссийского государственного университета юстиции Минюста России,
ул. Агасиева, 87, 367008 Махачкала, Республика Дагестан, *doktorb@yandex.ru*

Должность следователя, правда, с разным объемом полномочий, сформировалась достаточно давно. Однако многие аспекты правового статуса следователя остаются спорными. К ним можно отнести характер и пределы полномочий, соотношение с органами прокуратуры и суда, роль и значение в защите прав и законных интересов граждан и др. Юридическое сообщество, в которое входят не только ученые-правоведы, но и представители юридической практики, существенно расходятся в базовых моментах следователя как субъекта предварительного следствия. Достаточно напомнить о тех «горячих» спорах о реформировании следственного аппарата и учреждении такой новой фигуры в сфере уголовной юстиции, как следственный судья. В какой-то степени дискуссия была организована с подачи Председателя Следственного комитета РФ, известного ученого А. И. Бастрыкина. При этом уместно отметить, что правовой статус и роль следователя в постсоветских странах существенно отличаются. В некоторых из них, в частности, в Молдове, основного субъекта уголовного субъекта предварительного расследования называется «судья по уголовному преследованию» (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова, далее – УПК РМ). Помимо этого, содержатся и иные понятия, которые были неизвестны уголовной юстиции СССР, в частности, «Офицеры по уголовному преследованию» (ст. 57 УПК РМ). Между тем, на наш взгляд, некоторые положения из правового статуса органов предварительного расследования прошлых времен могут быть учтены при уточнении полномочий, роли и значения следователя в современной уголовной юстиции. Особо интересным может быть опыт судебных следователей, осуществлявших свою деятельность после принятия известных Судебных уставов 1864 г. Именно тогда, на наш взгляд, огромная страна, которая называлась Российской империей, сумела создать не только справедливый, скорый и независимый суд, но и эффективный следственный аппарат. Думается, что полезным может быть и изучение деятельности следственных органов, функционировавших в Советском Союзе. Безусловно, были и темные страницы в их деятельности.

Как известно, полноценная должность следователя возникла в Российской империи в 60-х гг. XIX в. До этого расследование уголовных дел осуществлялось различными органами, статус которых не был определен: к лицам, занимающим должности такого характера не предъявлялись требования профессионального характера (например, не требовалось соответствующего образования, опыта деятельности), процессуально не

отличалось какой-либо автономией. Более того, правовое регулирование следственной деятельности осуществлялось нормативно-правовыми актами, принятыми в разные периоды при различных условиях. Одни были утверждены при Алексее Михайловиче, а другие – при Петре I, Екатерине II. Можно согласиться с мнением А. Г. Мамонтова о том, что «производство предварительных следствий было лишь одной из функций административно-управленческих органов, основным звеном которых и являлась полиция» [1, с. 54]. «Главный орган» предварительного следствия – Полиция, фактически являлась ведомством по управлению провинциями, окраинами и фактически не несла ответственность за состояние законности, не признавалась органом противодействия преступности. Никто не ставил вопрос о характере контроля над многочисленными органами, осуществлявшими расследование уголовных дел. Очевидно, в принципе не мог возникнуть и вопрос о гарантиях прав, свобод и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию.

На характер правового положения судебного следователя повлияли в том числе и позиции ведущих правоведов. Так, И. Я. Фойницкий, один из крупнейших представителей отечественной уголовно-процессуальной науки определял предварительное следствие как «производимых **судебными органами** (выделено нами. – С. Б.) действий, которыми выясняется преступное событие и вероятная виновность или невиновность лиц, на которые падает обвинение в его учинении, в видах решения вопроса о направлении дела в суд к окончательному разбирательству» [9, с. 387].

По Уставу уголовного судопроизводства конкретизируется круг прав и обязанностей судебного следователя. Прежде всего укажем на высокий статус нового субъекта предварительного следствия. По существовавшей иерархии судебный следователь приравнивался к члену окружного суда. По своему положению судебный следователь был выше, чем мировой судья. Этот момент влиял и на требования, которые предъявлялись к лицам, претендующим на должности судебных следователей. В частности, они должны иметь высшее юридическое образование или «иметь аттестаты о выдержании экзамена в сих науках» (ст. 407 УСУ) [5, с. 77].

Своеобразными можно признать и отношения между судебными следователями и органами надзора (наблюдения). Прежде всего отметим, что прокуратура была отстранена от производства следствия (ст. 278 УУС) [6, с. 147]. Учреждение судебных установлений основным документом, при помощи которого работники прокуратуры «сносятся» с следователем называл как «предложение» (ст. 196) [5, с. 52]. По характеру самих «предложений» обязательными для судебного следователя являлись только лишь некоторые виды предложений – «о начатии предварительного следствия», «промежуточные, об отдельных действиях и мерах» и др. В первом случае следователь мог обжаловать указание прокурора в окружной суд. Некоторая часть промежуточных «предложений» была обязательной. В частности, это касается отдельных следственных действий

(задержание, допрос и др.), которые должны были сопровождаться нанесением отметки в протоколе в обязательном порядке. Чаще всего по предложению прокурора следователь должен был дополнить следствие. Однако последнее слово было за судом.

Между тем и в статусе судебных следователей и в целом институте предварительного следствия имелись недостатки различного характера: в некоторых национальных окраинах на мировых судей возлагались полномочия судебных следователей, что приводило к отступлению от известных принципов Судебной реформы 1864 г.; некий отпечаток розыскного процесса проявился и в определении правового статуса судебных следователей, поскольку он основывался на известном Наказе о судебных следователях 1860 г. [4, с. 710–711]; отсутствие исчерпывающего и компактного перечня следственных действий в УУС и др. Но самое главное, на роль и объем полномочий судебных следователей повлияли те отступления и изъятия, которые наблюдались в 70–90-х гг. XIX в. в рамках такого известного направления во внутренней политике, как «контрреформа».

После революции 1917 г. положение следователя изменилось незначительно. Он оставался процессуально самостоятельным участником уголовной юстиции. Однако со временем правовой статус начал подвергаться коррекции. Значимым изменением можно назвать отмену несменяемости следователей в соответствии с Положением о судостроительстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. (ст. 32–38). Поворотным стал УПК 1923 г., который предусмотрел перераспределение полномочий в пользу прокураторы: прокурор наделялся значительными полномочиями по контролю за следователем [8]. Постановление от 03.09.1928 «Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР» предусматривало организационное подчинение следователей органам прокуратуры [2, с. 84]. Зависимость следователя от прокурора стала более чем существенной. Эти изменения окончательно изменили природу предварительного следствия, а сам следователь должен был подчиняться указаниям прокурора, даже если это противоречило его внутреннему убеждению. Думается, эта трансформация основного субъекта уголовной юстиции сказалась и на массовых нарушениях прав и свобод, которые особенно проявились в 1937–1938 гг. прошлого века. В целом можно признать, что институт предварительного расследования всегда должен занимать подобающее место в механизме государства с учетом достижений современной юридической науки.

Библиографический список

1. Мамонтов, А. Г. Реформа предварительного следствия во второй половине XIX в. в России. (Историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Мамонтов. – М., 1996. – 25 с.

2. Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 03.09.1928 г. // Советская прокуратура. Сборник

документов / сост.: Г. А. Метелкина, И. Н. Ширяев ; отв. ред.: К. С. Павлищев, С. А. Шишков. – М : Юрид. лит., 1981. – 288 с.

3. О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 года // СУ РСФСР. – 1922. – № 69. – Ст. 902.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. – СПб., 1862. – Ст. 35, отд. 1. – С. 710–711.

5. Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа. Т. 8 / отв. ред. В. Б. Виленский. – М., 1991. – С. 52.

6. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа. Т. 8 / Отв. ред. В.Б. Виленский. – М., 1991. – С. 147.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV // ИПС «Консультант Плюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 года. – М., 1923.

9. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 2. – 606 с.

Султанбекова Г. Б., Збинская Е. Ю.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Карагандинский государственный университет имени Е. А. Букетова,
ул. Университетская, 28, 100028 Караганда, Казахстан, kafprosses@mail.ru

Стремительное развитие и постоянное расширение Всемирной сети интернет открыло возможности для пользователей информационных ресурсов, а также породило новый вид преступлений – киберпреступления.

Распространение вредоносных программ, кражи номеров кредитных карт и других банковских реквизитов, распространение противоправной информации, пропаганда религиозного экстремизма, финансирование терроризма, отмывание доходов, полученных преступным путем, приводит к разрушению государственной инфраструктуры.

По причине отсутствия современного технического оснащения правоохранительной системы и экспертных учреждений киберпреступность оказывается вне досягаемости правоохранительных и иных компетентных органов, и напрямую представляет большую угрозу не только отдельным лицам или организациям, но потенциально – национальной безопасности любой страны, достигшей значительного уровня компьютеризации жизненно важных отраслей экономики. Так, по итогам первой половины 2018 г. 92,9 % от общего количества нарушений составили DDos-атаки.

Согласно рекомендациям экспертов ООН термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью